

Рядовой ленинской партии

Иван Яковлевич Лесман разменял девятый десяток лет. Ветеран партии. Крупная фигура. Крупная седая голова. Сидит он напротив меня в своей комнате. Солнце рвётся в окна, оставляет отпечаток рамы на полу. Нежится в лучах старый кот Чапа. Тихий голос фортепиано льётся из динамика на стене. Стол. Диван. Ничего лишнего в комнате. Самое богатое место — книжный шкаф в углу. До отказа забит литературой.

— Всю жизнь мне хотелось учиться, — говорит Иван Яковлевич. — И книги — верные мои спутники.

Ещё до приезда сюда, в совхоз «Новоселье», я уже знал об этом человеке многое. Поразила одна деталь. «И. Я. Лесман начал трудовую деятельность рабочим в имении помещика в мае 1916 года», — так записано в одном из документов. Не верится: как же давно это было. И представьте, этому работничку 12 лет. Мальчишка, Пацан. А уж надо было трудиться наравне со взрослыми, матерью и отцом — батраками. Когда тут учиться? В поте лица надо добывать кусок хлеба. И думаешь: что бы стало с ним, миллионами других мальчишек, не случись нашей Революции.

— Вы помните её, Иван Яковлевич?

— Безусловно. Мы ведь жили вблизи революционного Питера. Мальчишкой был, а чувствовал сердцем: творится что-то невиданное. Не раз хотелось просто сходить в город, посмотреть. Но и у нас, на местном пороховом заводе были перестрелки. Со временем, конечно, понимаешь всю значимость событий, открывших тебе дорогу в жизни. После революции у нас организовался совхоз «Щеглово». Был там рабочим, потом старшим рабочим. Жизнь новая, интересная, захватывающая. В двадцать девятом вступил в партию. Назначали заведующим отделением этого совхоза, директором других хозяйств. Труда не боялся. Думаю, это самое главное в человеке — трудолюбие. Его воспитали во мне родители. Мучило только одно — не хватает знаний. Добился-таки, послали в высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу имени Кирова в Ленинграде. И закончил её.

Люди старшего поколения всегда делят свою жизнь на три отрезка: до войны, во время и после неё. Как и всякому честному человеку, патриоту своей Родины, коммунисту Ивану Лесману хотелось на фронт, туда, где с оружием в руках гибли батальоны. Но звучит приказ в начале сорок второго: ехать в Переславский район, принимать совхоз «Новоселье». Это твой фронт, коммунист, и твоя передовая. Не спи ночами, отдай всё: энергию, знания, опыт, силы, но обеспечь солдат на войне хлебом, мясом, молоком.

— Приехал, поселился в покосившейся избушке. Хозяйство?.. В глазах темно: двадцать шесть полуживых коров. Не встают от бескормицы. Через эти места война гнала тысячи беженцев со своим скотом. Совхозные корма оказались скормленными. Трактористов нет. Как пахать, сеять?

Руководитель... Каждый его шаг на виду у людей. Миг растерянности может сразу же отозваться смятением в сердцах подчинённых, породить страх, панику. Что он передумал наедине с собой, никто не знает, но на людях новый директор — это сама твёрдость, уверенность, вежливость, корректность. Один из старых рабочих сказал мне так:

— Чувствовался в человеке могучий заряд на дело, увлекающий других. Все рабочие его уважали, шли за ним и уважают сейчас.

— Это понятно, — говорит Иван Яковлевич, — любое дело человеком ставится. Люди — это и надежда, и опора директора. Что я один сделаю? В то время мы срочно организовали курсы трактористок для девчат. Обучали наспех, конечно. Чтoб девчонки могли только завести

трактор и мало-мальски управлять им. Случалось и самому на технике работать. Показывать, учить. Пришёл с фронта раненый Михаил Переплётов. Пристроили в контору его, а потом он запросился к тракторам: тоже помощь. Потом и промышленные предприятия помогли. Люди, главное, работали самоотверженно, не щадили себя для победы. Такая вот норма была у нас: за день поднять на скирду вручную четыре тонны сена. А поднимали женщины до шести тонн. Каждая и изо дня в день. С такими людьми, естественно, и пошёл совхоз в гору. От тех коров берегли молодняк, возродили стадо. Стали получать высокие надои — до 3 700 килограммов от коровы. А в один из годов, помню, получили по 4 150 килограммов. Строили много — детский сад, дома, скотные дворы...

Иван Яковлевич рассказывает, а мне думается: почему так скромн человек? О людях, о совхозе будет говорить бесконечно, а о себе? Знаю, директорский день начинался в четвёртом часу утра, а кончался при звёздах. Трудно поверить: при беспощадном темпе работы он умудрялся учиться и в сорок восемь лет заочно закончил зооветеринарный техникум. Старые пожелтевшие подшивки «Коммунара» рассказывают о многих славных делах тружеников «Новоселья». Среди хозяйств района совхоз неизменно был в числе лидеров соревнования.

Небольшую коробку хранит Иван Яковлевич. Он достаёт её из книжного шкафа, открывает. Сразу бросается в глаза высшая награда Родины — орден Ленина.

— Это в шестьдесят шестом году. А раньше, в пятьдесят первом, получил этот — «Знак Почёта». Совхоз был участником ВДНХ. Память — бронзовая медаль...

Иван Яковлевич Лесман удостоен звания «Заслуженный зоотехник РСФСР», ему вручён знак «50 лет пребывания в КПСС». Немало наград у ветерана партии. Родина по достоинству отметила самозабвенный труд человека.

Более четверти века отдано директорским заботам в «Новоселье». С 1968 года он на пенсии. Дело отца продолжает сын — нынешний директор совхоза Владимир Иванович Лесман. Но и бывший директор не сидит сложа руки — он в курсе всех совхозных событий, помогает и словом и делом.

— Иногда и поспорим, — говорит Иван Яковлевич, — не без этого. У сына своя позиция, у меня она тоже есть, но всё же прислушивается он к советам. На пенсии сидеть — это дело не для меня. Скучно и нудно без работы, людей. Как-то осталось отделение совхоза без управляющего — попросили возглавить, пока не подыскали человека. Четыре года трудился простым рабочим на стройке. В прошлом году косил сено для совхоза. Партийная организация призвала: каждому коммунисту заготовить тонну кормов. Годы, конечно, не те, чтобы особо разгоняться, но тонну сена накопил.

Но подведёт если здоровье, и нынешним летом буду помогать. Берусь за простую, бесхитростную работу, чтобы быть в строю до конца.

Сидит напротив человек. Крупная фигура, крупная седая голова. И всё в нём большое — руки, жизнь, дела, сердце.